

„На покаянной цепи“

(Госуд. еврейская студия БССР).

Репетиции этого спектакля были удачные самого спектакля, эскизы костюмов и макет интереснее сценического осуществления в костюмах и установке.

Моин—грешник.

Между тем, вряд ли студийцы, рабочие, бутафоры и портные—виновны в непослушании режиссуре и художнику. Напротив, твердая рука руководителя М. Рафальского — лишь чув-

ствуется. Добросовестная точность в выполнении предначертаний художника—явно подкарешил. В чем же дело?

Спектакль перегружен. Однажды найдешные жесты—без конца повторяются. Движения персонажей по лестницам, площадкам, проходам—однообразны. Паловы—односторонны. Мотивы—однозвучны. Тот же композитор А. Крайн, которого мы давно оценили в «Ночь на старом рынке» (Госет) и в «Вечном жиде» (Габима)—утомляет скорее, чем радует. Художник Сухорбор-Рыбак, органичный в мире своих образов «еврейской черты» (химер: еврейского «тетти»), подан без чувства меры. Его макет сам по себе—блестящая сценическая удача, дающая возможность интересно строить мизансцены спектакля, делается скучным, в бесконечной протяженности действия пьесы.

Первые два акта посвящены выявлению **уродства** старого еврейского быта, для того, чтобы, наконец, третий акт—посвятить выявлению **силы** молодого еврейского пролетариата.

САМУИЛ МАРГОЛИН.